

ОКСАНА ОБУХОВА

Опасные
удовольствия

МАГИЯ УБИЙСТВА

Оксана Николаевна Обухова

Магия убийства

Серия «Опасные удовольствия»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70378255

Магия убийства: повесть / Обухова О.Н.: Центрполиграф; Москва;

2023

ISBN 978-5-227-10299-7

Аннотация

Третий раз Вероника Полумятова, мастер-кондитер и гадалка-любительница, стала ключевой фигурой в сложной партии, которую разыгрывают доблестные силы правопорядка и государственной безопасности с хорошо организованной отечественной преступностью. На этот раз она должна проникнуть в узкий круг чрезвычайно богатых и влиятельных людей, единственная слабость которых – увлечение экстрасенсами и прочей эзотерической чепухой. Однако прием в загородном поместье омрачается убийством, а погодный катаклизм отрезает обитателей от внешнего мира. Перед Никой стоит всегдашний выбор: помочь хорошим людям, изобличив плохих, или поднять лапки вверх. Мастер изысканных десертов снова принимает вызов.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

68

Оксана Обухова

Магия убийства

© Обухова О. Н., 2023

© «Центрполиграф», 2023

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2023

* * *

Большим специалистом по изготовлению слонов из мух Вероника Полумятова никогда не была. Завзятым паникером – тоже. В последнее время у нее вообще появилось устойчивое ощущение, что нервы закалились не хуже, чем у папиного друга дяди Толи, который, по рассказам очевидцев, продолжил под бомбежкой в Афганистане «ремонтировать» раздробленный сустав мальчишки-рядового: над брезентовой палаткой полевого госпиталя ураганом свистят мины, хирурга ураганным матом поливает политрук Ковалев – вертолеты прилетели, и долго ждать они не будут...

В огромной полутемной кухне – благовоспитанная тишина высокопробного подмосковного поселка, никаких тебе свистящих мин и крепких выражений. Но ассоциация с операцией под грохот минометов у Вероники все же появилась не на пустом месте. Когда за спиной раскладывающей па-

сыанс Инессы неожиданно возник мужик в черном костюме, Вероника так перепугалась, что едва не выронила из рук миску с замоченным изюмом! Пальцы внезапно онемели, пошли колючими мурашками, и стеклянная плошка попыталась ускользнуть на мраморные плитки пола – «взорваться» на полу и засыпать стеклянной «шрапнелью» половину кухни.

Ника покрепче перехватила миску, в потемневшей воде заколыхались крупные разбухшие изюмины, похожие на утонувших тараканов. Инесса, ничего не замечая, продолжала безмятежно переворачивать карты, хмурить подведенные брови, шевелить губами, приглядываясь к дамам, королям, шестеркам (освещение в кухне было включено только над рабочей зоной, Ника в принципе не понимала, как Инесса там хоть что-то видит). Мужик стоял за ее спиной, невысокий и плотный брюнет, очерченный аркой, уводящей в гулкую темноту холла. Пугающая картина, стоит отметить, получилась: арка, словно багетная рамка, очертила композицию из безмятежной длинноволосой блондинки и мужика в черно-белой похоронной гамме. Прямо-таки готовая иллюстрация к роману Стокера про Дракулу.

Засунув руки в карманы брюк, незнакомец слегка раскачивался на носках ботинок – назад-вперед, назад-вперед – и приязненно разглядывал утянутую в фартук помертвелую особу. Как добрый любящий дядюшка придурковатую племянницу с изюмом.

– Простите, я вас напугал, – заговорил. Наклонил голову набок и улыбнулся. – Добрый вечер. Как здорово у вас здесь пахнет, девочки.

Двум девочкам – приглашенному кондитеру Веронике Полумятовой и хозяйке фешенебельного особняка Инессе – следовало бы испытать неловкость: их как-никак поймали на мошенничестве. Блондинка собиралась притвориться домохозяйкой и поразить бойфренда кулинарными талантами – ватрушками и кексами, ради приготовления которых и пригласила в дом кондитера Веронику Полумятову, чтобы та оставила в ее кухне все признаки той самой домовитости: испачканную посуду, обсыпанные мукой поверхности и, разумеется, аромат свежайшей выпечки. Инесса уверяла, что ее милый друг не приедет раньше девяти вечера и две хитрости все успеют: одна налепит кривоватых кексов и ватрушек, вторая уяснит, как в принципе они готовятся.

О том, что высокорослая красавица Инесса – то ли вышедшая в тираж модель, то ли отставная баскетболистка – не имеет никакого понятия о кулинарии в целом, Вероника догадалась быстро. Хозяйка минут десять разыскивала в кухонных шкафчиках насадки для блендера, которые и предполагалось оставить измазанными...

Короче говоря, всеобщая неловкость должна была возникнуть, но это чувство испытала только Вероника. Инесса, против ожидания, невозмутимо изогнулась в талии, обернулась к арке... и заработала у Вероники лишний балл: ноль

замешательства и никаких стыдливых хлопков ресницами – сплошной контроль и самообладание. Приветливый прищур на друга.

«Интересно, как выкручиваться-то будет? – нервно тиская прижатую к животу миску, подумала кондитер. – Наврет, что пригласила в гости школьную подружку, и та вдруг предложила кексиков напечь?» Ника покосилась на противень, где красовались намеренно кривобокие изделия, которые никоим образом невозможно выдать за работу профессионала.

Н-да, неудобно получилось. Вероника наблюдала за «тиражной» баскетболисткой и все увереннее переводила ее в разряд заматеревших светских львиц, коих внеплановые появления любовников не выбивают из седла. Такие за полторы минуты трех голых стриптизеров распихают по шкафам и придумают правдивую историю о том, как чьи-то стринги оказались на люстре. (Пролетавший мимо Карлсон трусишки на проветривание вывесил, а я – ай-ай – и не заметила...)

Странности тем временем набирали обороты. По представлениям Полумятовой, возникший в кухне милый друг по ходу пьесы был попросту обязан чмокнуть баскетболистку в макушку или в щечку: «Привет, любимая.

Ждала?» Но тот смотрел на Инессу вопросительно, как будто ждал ответа на невысказанный вопрос.

Дождался. Инесса откинула за спину длинную прядь отлакированных волос и повела плечом:

– Предлагаю, Миша, говорить по существу, как есть.

Друг, добавив вопросительности, более отчетливо изогнул бровь, и Инесса повернулась к замершей возле кухонной плиты «школьной подружке», заговорила уже с ней:

– Прошу извинить нас, Вероника, за этот маленький спектакль, но мы, право слово, не знали, как еще с вами познакомиться. – Легкий кивок в сторону мужчины, заинтересованно разглядывавшего повариху с миской возле живота. – Михаил Федорович. Прошу любить и жаловать. – Смущенная улыбка, наконец-то.

Которая, кстати, совершенно не подействовала – паника не собиралась отступать. Диафрагма Вероники завибрировала так, что темные изюмины принялись кружиться в плошке, перемешивая коричневую воду. Ника повернулась всем корпусом к тумбе, осторожно переставила скользкую посудину на ровную поверхность и ненароком глянула на подставку с кухонными ножами. Один из них, филейный, был, совершенно точно, дико острым.

Эх, нельзя было здесь оставаться! Пять минут назад, по телефону, Кирилл Андреевич приказывал ей немедленно уходить из этого дома. А Вероника, как полная дура, самонадеянно осталась. Ватрушки, блин, допечь решила! Профессиональная честь, видите ли, не позволила ей улизнуть от включенной духовки.

«Надо достать телефон. Нажать на повторный вызов и подать сигнал тревоги. Или хотя бы оставить телефон включенным, пускай майор услышит разговор и догадается: слу-

чилось непредвиденное!» Точнее говоря, предсказанное.

Но как достать? Плотная ткань длинного фартука «Мастер-шеф» практически запеленала половину тушки. Телефон для связи с куратором из ФСБ лежит не в заднем кармане джинсов, а в переднем...

– Вероника, вы меня слышите? – Мягкий голос Инессы воткнулся в панические размышления кондитера.

– Я? Что?

– Говорю, вы на нас не очень сильно сердитесь?

– За что? – Вероника откровенно тупила, проклятая диафрагма продолжала перемешивать ее внутренности, добралась, кажется, до мозга и прокручивала уже его. Как древняя ручная мясорубка – с противным ржавым скрежетом.

Инесса и Михаил Федорович переглянулись. Зеркально поиграли бровями. Модель-баскетболистка-светская львица решительно взвилась со стула и в несколько больших спортивных шагов приблизилась к рефлекторно отшатнувшейся Веронике. Схватила ту за запястье. Умело приложила пальцы к пульсу, сощурила глаза, вчитываясь в его показатели. Воскликнула:

– Миша, где в этом доме, черт возьми, аптечка?! Ничего найти невозможно!

Михаил Федорович принялся растерянно крутить башкой. Инесса гневно на него фыркнула и успокаивающе забормотала на ухо кондитера, поглаживая ту по спине:

– Спокойно, Вероника, успокойтесь. Ну что вы, в самом

деле... нельзя же так переживать по пустякам, – пригляделась она к побледневшей девушке. – Как вы себя чувствуете? Головокружение? Тошнота?.. У вас раньше бывали панические атаки? Проблемы с сердцем есть?

Да не было у Ники ничего! До нынешней осени она считала свое здоровье превосходным!

Возникший рядом Михаил Федорович громко, но предупредительно выдвинул из-под стола тяжелый дубовый стул. Инесса, бережно придерживая Веронику за талию левой рукой, заставила ее присесть. Движением стройной щиколотки выдвинула второй стул для себя и села рядом.

Ника тяжело дышала. Вдох-выдох, вдох-выдох... головокружение.

– Вам лучше? – обеспокоенно поинтересовалась блондинка, продолжая держать пальцы на пульсе Вероники. – Кажется, да, – добавила полувопросительно. – Воды? Миша, налей воды, пожалуйста.

Краем перепуганного сознания Вероника исхитрялась отмечать, насколько нетипичными выглядят отношения этой пары. Инесса, как предполагалось прежде, изобретательная содержанка. Михаил Федорович оглушительно богатый папик, поскольку лишь такой мужчина способен снять для пассивной громадный особняк в фешенебельном районе. К особняку прилагались шикарный автомобиль и грандиозный бодигард-шофер такой наружности, что дамы в магазине оборачивались, когда Вероника и упомянутый водитель загляну-

ли туда попутно за недостающими продуктами для выпечки кривых ватрушек.

«Ватрушки. Тесто перестоит...»

Да пес с ним, с тестом!

Вероника закрыла глаза, постаралась расслабиться: вдох-выход, вдох-выдох... И чего она так перепугалась? На ее запястье мягкая дружелюбная рука искренне обеспокоенной женщины. Где-то какими-то дверцами хлопает Михаил Федорович, получивший приказ разыскать аптечку в ванной комнате...

– Вероника, вы не переживайте, – раздался рядом мужской голос. Михаил Федорович, оказывается, снова появился в кухне неслышно, что тот кот на бархатных лапах. – Инесса вообще-то врач, кандидат наук, она, знаете ли...

Не договорил, так как Вероника распахнула веки. И сразу встретила взглядом с немного смутившейся Инессой, вытянула свою руку из кандидатских пальцев.

– Мне лучше, – буркнула. Ей стало стыдно за недавнюю сцену. – Давление, наверное, упало. Или, наоборот, подскочило. Я уже и такси себе вызвала, хотела поставить ватрушки в духовку и попросить вас, Инесса, достать их оттуда через...

– Такси? – перебил Михаил Федорович.

Идея оповестить этих странных людей о том, что возле дома ее дожидается машина, возникла у Ники спонтанно. Ей показалось нелишним намекнуть, что она, дескать, уже куда-то позвонила, кому-то сообщила этот адрес. Тем более

что желтая машина с шашечками действительно стоит неподалеку от ажурных ворот особняка. Красильников приказывал срочно уходить из подозрительного дома, сданного, вероятно, под наем, и усаживаться в «такси». Похоже, настало время прислушиваться к мнению куратора, майора ФСБ.

Инесса взглянула на Веронику несколько недоуменно. Пошевелила искусно подкрашенными губами, казалось, подбирая некие слова. Кандидат наук, надо же. Ника могла заподозрить в отлакированной блондинке максимум хорошую (незнаменитую) актрису.

– Вероника, позвольте попросить вас еще немного задержаться, – заговорила кандидат наук. – Мы столько сил приложили для знакомства с вами... Может быть, вы уделите нам еще несколько минут?

Ника стиснула пальцы в кулаки, почувствовала, что они перестали дрожать. И кивнула. Не сказать, что ситуация будила любопытство, но уделить этим людям несколько минут на самом деле можно. Раз уж все равно сидит здесь и дышит с равномерной старательностью разогревающегося паровоза.

– Вероника, вы когда-нибудь думали о том, что обладаете сверхчувствительностью?

– Чем-чем? – недоуменно поинтересовалась Полумятова и почему-то плотно сдвинула колени.

– Я наблюдала за вами. Вы очень любите свою работу, с удовольствием крутились по этой кухне, просто-таки колдовали над тестом и начинкой... Но внезапно все изменилось.

Так? Вы стали озираться, встревожились, потом вышли из кухни... Вы вызвали такси из ванной комнаты? Почувствовали беспокойство?

Ника снова кивнула. Не объяснять же, в самом деле, что из ванной комнаты она звонила майору ФСБ, и уже тот обеспокоился ее безопасностью – машину подогнал. Правдоподобно желтую, при черных шашечках.

– А знаете, что интересно, Вероника? Вы почувствовали беспокойство как раз в тот момент, когда приехавший Михаил сел перед монитором камер слежения в комнате охраны и поинтересовался тем, что происходит на кухне. – Инесса сделала паузу. Наклонив голову к правому плечу, внимательно посмотрела на девушку, давая той подумать.

И кулинар, куда деваться, припоминала. В определенный момент она и вправду неожиданно почувствовала взгляд на своем затылке, толпа мурашек пробежала по спине. Ника запаниковала и помчалась в туалет, сообщать Красильникову, что забыла его оповестить о смене места нахождения.

Тот, правда, и так уже был в курсе, ругался. Но к делу это не имеет отношения.

– И кстати, – продолжила Инесса, – я-то прекрасно знала, что Михаил вот-вот подъедет, но не услышала ни его машины, ни хлопка двери. Он позже прислал мне СМС, что он дома и видит меня на мониторе. А вы в тот момент уже совершенно изменили алгоритм движений. Встревожились. С вами часто такое бывает?

Слов нет, большинство людей обожают поговорить о себе неповторимом, а тем более узнать и нечто новое (от специалиста с научной степенью, который комплиментами обвешивает). Но Вероника за последнее время слишком устала чего-то узнавать и открывать в себе таланты и новые страницы.

– Ничего со мной не бывает, – мученически выдохнула Ника. – А-а-а... ваша медицинская специализация – психиатрия?

Михаил Федорович внезапно хохотнул. Симпатичный брюнет, напомнивший Веронике знакомого владельца ресторана – этнического итальянца, так и не присел к столу. Стоял, опираясь задом о кухонную тумбу, – чуть вытянутые ноги скрещены, руки сложены на уровне груди. (Вероника, кстати, машинально переживала, что дорогой костюм «итальянца» окажется испачканным мукой, поскольку кулинар, как договаривались, «напылила» ее здесь достаточно.)

Инесса бросила на милого друга наполненный разнообразными смыслами взгляд. И пояснила:

– Вопрос Вероники, Миша, не из области сверхчувствительности, а из разряда логики. Я верно поняла?

Ника надула щеки, громко дунула и демонстративно поглядела на часы электрической духовки.

– Да, к делу, – опять правильно истолковала ее потуги Инесса. – Итак, причина нашего интереса...

– Может быть, такси вначале отпустим? – вклинился Михаил Федорович. – Как это лучше сделать, Вероника? Вы вы-

зывали через Интернет или нужно отправить к такси моего шофера, он расплатится? А позже мы вас довезем.

Паника, несколько минут назад оставившая Веронику, вернулась с громким воплем и картинным выдиранием волос: «Допрыгалась, голубушка?! Придумывай теперь, крутись!»

Ну да, проблема. За рулем «такси», несомненно, сидит мужчина с припрятанным в кармане удостоверением ФСБ. Его сюда откомандировал Красильников, чтобы тот охранял и обеспечивал отход его подопечной. Как, интересно, представитель всеильной Конторы отреагирует, если водитель Федоровича попытается отправить его вон и сунет денежку за беспокойство? Руку с денежкой выкрутит, положит фейсом на капот и вызовет спецназ? Ситуация и впрямь неоднозначная, подопечная майора из дома не вышла, водителя «такси» пыгают отправить вон... Мамочка родная. И ведь позвонить, предупредить – никак!

– Подождите, пожалуйста, – пролепетала Вероника и пустилась врать: – Я позвонила своему приятелю, у него... это... таксомоторная фирма... Короче, он сюда отправил своего водителя! – Последние слова Вероника проговорила слишком пылко, заслужила два недоуменных взгляда и мигом убавила температуру речи. – Водитель будет ждать сколько угодно, не стоит беспокоиться, – сменила тему и притворилась внимательной: – Так вы о чем там? Сверхчувствительность, да?

– Точно. Вероника, вы когда-нибудь смотрели по телевизору шоу «Битва экстрасенсов»?

– Приходилось.

– Замечательно. Михаил Федорович с друзьями устраивают нечто подобное в частном порядке. Четыре богатых человека организовали свою, элитарную «Битву»...

– Зачем? – перебила Вероника.

– Зачем? – Инесса честно задумалась. Села более вольно, откинулась на спинку стула и повращала в воздухе тонкими пальцами. – Давайте предположим, что им скучно. Все деньги заработаны, вершины пройдены и хочется заполнить пустоту. Понимаете? Каждый заполняет ее по-своему, у Михаила Федоровича, к примеру, подобралась компания единомышленников, людей с одинаковыми интересами и близким мировоззрением...

– Но я-то тут каким боком?! – Вероника нетерпеливо зарзала. Ее на самом деле совершенно не интересовали проблемы с пустотами каких-то заскучавших богатеев. – Зачем вы это все устроили? – Кондитер ткнула пальцем на противень с кривыми кексами, обвела взглядом качественно «припыленную» кухню.

– Я очень хотел с вами познакомиться, – признался Михаил. – Видите ли, Вероника, на эту пятницу у нас намечена очередная «Битва», а мой участник выбыл. Я собирался выставить на состязание необыкновенную женщину, знахарку, но она пожилой человек и, увы, слегла в больницу.

Загрустившего приятеля поддержала кандидат наук, зайдя, правда, с другого бока. С материальной заинтересованности.

– Помимо великолепных премиальных, участие в «Битве» открывает блестящую перспективу для людей с неординарными способностями. Победа и даже участие – это промоушен, знакомства, первоклассная клиентура... – Вероника закатила глаза, и понятливая «баскетболистка» скисла. – Никак не привлекает, да?

– Ничуть.

– Так это-то и здорово! – нелогично обрадовался Федорович, предугадавший, что кулинар готова отфутболить замаячившее предложение. – Вообразите, как воюют претенденты за право участвовать в нашей «Битве»! Инесса устала их отсеивать! Целую группу под просеивание создала...

– Троепольский, – кандидат наук поморщилась, – позволь, пожалуйста, мне объяснить. Главная проблема в подборе участников, Вероника, как ни странно, их страстное желание участвовать. И не менее страстная самореклама.

– Скажи уж прямо, что девяносто девять процентов попросту мошенники, – фыркнул Михаил и добавил совсем тихо: – Или сумасшедшие.

Инесса никак не отреагировала на замечание.

– В общем, Вероника, признаемся прямо: у Михаила Федоровича дикий цейтнот. Заболевшая знахарка не придет, двух других претендентов я отсеяла за излишнее красноре-

чие...

– Специализация Инессы – физиогномика, – опять не удержавшись, вставил пять копеек Троепольский, и в голубых глазах кандидата наук отчетливо плеснулась досада.

– Некоторые считают физиогномику лженаукой, – собралась оправдать специализацию Инесса, – но...

– Но ты, звезда моя, по этой теме диссертацию защитила! И для докторской, пожалуй, материал набра...

– Хватит! – вскрикнула Вероника. – У меня голова распухла, переходите к сути! – Не нужно обладать лженаучными способностями доктора Инессы к физиогномике, чтобы понять: Михаил, попавший в тиски цейтнота, слишком часто вмешивается и сбивает доктора с накатанной рельсы отбора. Но Вероника деликатничать не собиралась, у нее своих проблем навалом, и встречу стоит завершать. Не интересно. Стоп. Финита.

Инесса опустила голову, длинные светлые волосы скользнули вниз и закрыли почти все ее лицо, вздохнула:

– На эту пятницу назначена новая «Битва», – произнесла и, вскинув красивое породистое лицо, попробовала улыбнуться. Но получилось плохо, вяло, вымученно. – Вы, Вероника, вероятно, уже догадались, что Михаил попросил меня с вами познакомиться. Как бы ненароком. Он очень хочет получить ваше согласие на участие в «Битве», и я сразу же признаюсь: вы мне понравились. Вы никак не отреагировали на мое занятие, пасьянс. Не постарались проявить всезнание.

А я, как многолетний администратор «Битвы», уже успела убедиться, что настоящий талант – скромен. В вас нет желания сверкнуть, привлечь к себе внимание, выделиться. Хотя карты, как я успела узнать, вас слушаются.

– Бред, – прошептала Вероника. Она совершенно искренне считала свое хобби, гадание, невиннейшим пустым занятием. – Откуда вы узнали, что я гадаю? Подружкам. Иногда.

Инесса развернулась на стуле, снова садясь полубоком. Атласные штанишки ее домашнего костюма обрисовали по-сверкивающим ореолом на зависть длинные стройные ноги.

– Миш, а накапай-ка нам коньячку. Пожалуйста.

Пока Троепольский «накапывал» коньяк по трем бокалам, потенциальный доктор медицинских наук неторопливо посвящала Веронику в историю о том, как некто случайно обмолвился при Михаиле о девушке-кондитере, гадающей на обычных игральные карты и практически всегда попадающей в десятку, редко-редко ошибающейся. Заинтригованный Троепольский дал команду группе Инессы выяснить, о ком конкретно шла речь. Подчиненные Инессы шибко-шибко постарались, но не нашли в Сети ни малейшего упоминания о ворожее Веронике Полумятовой. Пришлось копнуть поглубже, вниз, на годы. В итоге подчиненные наткнулись в «Одноклассниках» на группу, где бывшие однокашники Вероники давным-давно обсуждали ее талант. То есть получалось, что кондитер-гадалка Полумятова существует на самом деле, но она не практикующий эзотерик, а любитель.

Метко попадающий в десятки и скромно остающийся в тени. Это нешуточно заинтриговало уже саму Инессу. Выявив по переписке «Одноклассников» того, кто наиболее плотно и лично соприкоснулся со способностями таинственной ворожеи, кандидат наук дала задание своим ребятам подстроить ей знакомство со Златой Шелест. Оказавшейся, к радости Инессы, не погрязшей в сериалах домохозяйкой, а крепким бизнесменом с прекрасной репутацией и трезвой головой. Доктор подседа к Злате в кафе, завязала разговор и невзначай пожаловалась на привязавшуюся к ней уличную гадалку-цыганку. Мол, попросила б погадать – проблемы одолели, но разве можно верить всяческим провидицам в цветастых юбках...

Едва повествование коснулось Шелест, Вероника прикусила губу и мысленно ругнулась. Злата, естественно, не виновата: Вероника никогда не просила ее помалкивать о старой истории. Но как теперь объяснить Инессе и Федоровичу (в цейтноте), что гадалка она плюшевая, игрушечная, ненастоящая! Ведь с Шелест все взаправду получилось, Злата уверяла, что гадание Ники когда-то перевернуло ее жизнь. Сама Ника, правда, считала, что попросту сумела вовремя подобрать для одноклассницы нужные слова, карты лишь послужили неким инструментом, элементом достоверности.

Н-да. Незадача. И как же теперь съехать? Деликатно и аргументированно. Грех обижать людей, сама, можно сказать, недалеко от них ушла: они устраивают состязания, она «про-

рочит» всем подряд... Поди пойми, кто здесь честнее и более здрав рассудком. Может быть, сообщить устроителям, что на днях у кандидатки намечен выезд за границу? Конкретно в Черногорию, еще конкретней – с капитаном МВД Максимом Ковалевым, что совершенно соответствует действительности.

Придумав отмазку, Вероника счастливо улыбнулась и вдруг услышала:

– ...победитель «Битвы» получает три миллиона. Два других финалиста получают по одному. Не дошедший до финала претендент получает пятьсот тысяч просто за участие.

Победная улыбка Вероники несколько поблекла.

– Полмиллиона рублей? За одно участие? Серьезно?

– Конечно. У нас все серьезно.

– Хочу заметить, – вставил Михаил, – что вы, Вероника, можете смело рассчитывать на миллион. Четвертого претендента выставляет...

– Троепольский!

– Что? – Федорович сделал невинное лицо. – Ты считаешь, что на этот раз Эка выставит кого-то стоящего? С третьей попытки?

– Дай девушке шанс.

– Когда-нибудь, когда-нибудь... – промурлыкал Михаил и поднял вверх бокал с коньяком: – Здоровье прекрасных дам.

– Спасибо. Вероника, я понимаю, что предложение вас ошеломило, и потому не прошу давать ответ немедленно.

Подумайте. Прикиньте. Это исключительный шанс...

– И приключение для нас для всех, – в своей полушутливой манере вставил Троепольский.

– Пожалуй. Приключение. Но главное, это редкий шанс испытать свои возможности. Неужели не интересно? Попробуйте. Кто еще предложит вам такое? Я подготовила для вас краткую справку с условиями и правилами «Битвы», возьмите ее с собой, почитайте, подумайте и дня через два дайте ответ. Хорошо? Не торопитесь. Вас никто не принуждает. Но я бы на вашем месте согласилась – не попробовав, вы так и не узнаете, стоило ли это сделать.

Ну да. Дорогу осилит идущий. Нет ничего хуже сожалений об упущенной возможности. Плюс полмиллиона соблазнов.

Инесса вышла из кухни и буквально через несколько секунд вернулась с кожаной папкой, в которой оказались несколько листов хорошей плотной бумаги с распечатанной справкой.

Нике набор из капитальной кожаной, не пластиковой, папки и листов, отпечатанных в типографии, а не на ксероксе, напомнил меню дорогого ресторана: в этой компании сумасбродов мелочей, похоже, не бывает. Если дом для встречи сняли, то это особняк, соперничающий площадью с небольшим средневековым замком; с «меню» вон тоже не помелочились. Все основательно, на совесть.

– Мне почему-то не хочется просить вас, Вероника, со-

блюдать конфиденциальность. Хотя, – временная хозяйка замка мимолетно улыbnулась, – обычно я это делаю. Но вы, мне кажется, и сами не будете никому рассказывать об этом маленьком приключении... Правда?

Вероника ничего не ответила, но подумала, что Инесса вполне могла бы и сама участвовать в «Битве». Ей в непознанное соваться нет нужды, она по выражению лиц тайны раскрывает.

Проходя по двору вдоль посверкивающего бока «роллс-ройса», Вероника на секунду пожалела, что отказалась путешествовать на нем домой. Откуда-то она услышала, что в машинах этой марки сиденья из кожи канадского оленя. Неплохо было бы проверить и пощупать, чем та обивка отличается от материала, из которого изготовлены ее любимые мокасины. Перчатки, кстати, новые нужны...

Господи, о чем она думает?! Перчатки, мокасины, канадские олени! Ей только что сделали невероятное, фантастическое предложение... Стоп. Невероятное предложение ей уже делали совсем недавно. Правда, не так мягко и пульс никто не щупал. Но и оно – за гранью. Понимания и логики.

Что происходит, а? Кто-то там решил, что ее жизнь скучна и стоит подсыпать драйва? Что занимается она занудным кондитерским ремеслом и сферу приложений ей требуется поменять?

На разгоряченное лицо упала крупная снежинка. Ника по-

ежилась и кивком попрощалась с красавцем-бодигардом, открывшим для уходящей гостьи ажурную калитку. Неподалеку с включенными фарами стоял правдоподобный желтый автомобиль; Вероника, перехватив удобнее тяжелую сумку с выездным поварским набором – обычную «челночницу» из клеенки, – потопала к машине.

Целый миллион рублей. Пусть даже пятьсот тысяч. На эти деньги можно купить новое оборудование, а если повезет, то и машину поменять... Да хоть бы новую приличную сумку купить! Не из оленьей кожи, разумеется, но наконец-то положить «челночницу» на антресоль. А то разъезжает с этим функциональным чудовищем по заказам, людей пугает.

«Я себя уговариваю, что ли? Соблазняю? – Ника немного не дошла до задней дверцы «такси», куда собиралась забросить верную клетчатую торбу, остановилась. – Я собираюсь согласиться?»

– Добрый вечер, Вероника Дмитриевна. – Водитель (фээсбэшник) выбрался из салона. – Все нормально? Давайте я сумку в багажник положу...

– Спасибо, не надо, я ее рядом с собой поставлю, – и почему-то добавила: – Она чистая.

Ника забралась на заднее сиденье. Машина пахла новизной и неплохим мужским одеколоном, была на совесть прогрета. Вокруг по обе стороны – шикарные дома с заснеженными елями и туями. Совсем киношно-сказочные за пеленой снегопада.

– У вас точно все в порядке? – снова поинтересовался водитель, усаживаясь за руль.

– Да, спасибо, все отлично.

Фээсбэшник не стал ей говорить что-то вроде «Заставили вы нас поволноваться», не упрекнул забывчивую подопечную майора; плавно тронулся с места и включил дворники, заставив их сметать с ветрового стекла кляксы подтаявших снежинок.

Начало ноября. Ранний снегопад. Природа, кажется, совсем сошла с ума. В Европе ураганные ливни, если верить телевизионщикам, Барселону чуть не смыло. В Америке пожары тушат. В Москве вон – снегопадище в начале ноября...

Вероника поймала себя на мысли, что раньше, уезжая из дома заказчика, первые пятнадцать минут она обычно вспоминает, не забыла ли чего на чужой кухне; сегодня она машинально положила руку на раздутую «челночницу» и принялась анализировать поведение и манеры новых знакомых.

Какие они странные, однако, эти Михаил с Инессой. Фрилансеру-кондитеру приходилось работать на выездах в достаточном богатых домах, профессиональную репутацию к двадцати шести годам Вероника успела заработать. Но дом в этом поселке, пожалуй, вишенка на торте.

Была бы вишенка, точнее. Если б выездная сессия не оказалась фикцией. И потому Инессу и Михаила нельзя отнести в разряд обычных клиентов, сравнить их не с кем. Обычные клиенты, естественно, тоже заинтересованы в конечном

результате, но Михаилу Ника, кажется, действительно нужна позарез, отсюда и усердная ласковость – пульс пощупали, здоровьем поинтересовались, коньячком побаловали. Вели себя как хорошие друзья. Умасливали и облизывали.

Смешно. Хозяева «роллс-ройсов» и их жены, проверено, вполне способны вообще не общаться с вызванным кондитером. Если, конечно, дело не касается праздника обожаемого отпрыска, ожидающего самого-самого торта и центнера «творческих» пирожных. Тут уже маменька общается с какой-то поварихой – будь здоров. Но бывает, что с прислугой говорит только прислуга.

Вероника прижала затылок к подголовнику, покосилась на проносящиеся за окном многоэтажные столичные дома, похожие на искрящиеся свечки или новогодние подарочные коробки в посверкивающей обертке... Кто свалил подарок под елочку девочки Ники? «Всего лишь за участие...» Всего лишь участие решит многие проблемы. Черт подери, какое искушение!

Ника заерзала на сиденье и села прямо. «А как же совесть? Честность? Таких „гадалок“ – пруд пруди! В каждой девичьей компании найдется активная особа с картами».

Стыд-то какой... На «Битву» пригласили наверняка неслабых игроков, а кто такая Ника Полумятова? Никто. Значения карт знает, а все их связки и нюансы расклада... Эти нюансы надо изучать, жить этим, посвящать себя! Не хочется. Хочется печь торты, придумывать десерты, радовать

людей сладостями.

«Но ведь это тебя уговаривают. Ты себя не рекламировала, кто-то другой постарался. Сама ты не напрашиваешься, не юлишь, ты честно всех предупредила, что не считаешь себя ворожеей...»

Черт! Ника разозленно тряхнула головой, и с ее затылка на глаза сползла вязаная шапка с маленьким помпоном. Размышления завязались в такой замысловатый узел, что Вероника забыла о времени и опомнилась, лишь когда увидела, что машина давно проехала поворот на шоссе до ее дома и стоит на светофоре у Садового кольца.

– Ой! – воскликнула. – Постойте! Нам нужно обратно!

Водитель обернулся к пассажирке и удивился в свою очередь:

– А товарищ майор разве вас не предупредил? Он ждет вас в другом месте, я думал, вы созванивались, знаете.

Н-да, Ника, конечно, подозревала, что замаячивший шикарный бонус способен лишить девушку рассудка, но чтоб настолько потеряться в пространстве и времени...

* * *

Втиснутый между большими офисными зданиями домик оказался мини-отелем, стоявшим за чугунной оградой из частых острых кольев. Водитель мигнул фарами «такси», и ажурные ворота плавно распахнулись, пропуская автомо-

билль на территорию, очерченную невысокими стриженными хвойниками – круглыми и пирамидными, распластанными и остроконечными.

Красиво. Дорого. Достояно. Вероника знала этот район, но никогда не подозревала, что за типичными новостройками из бетона и стекла может сохраниться такая уютная, прихотливо отреставрированная старомосковская прелесть.

Водитель помог Нике выбраться из салона, взял из ее руки сумку и провел в отель мимо внимательно прищурившегося на них портье. «Интересно, в каком он звании?» – покосившись на высокого плечистого мужчину без бейджика на пиджаке, подумала кондитер.

Хотя... почему этот отель обязательно принадлежит Конторе? Может быть, Кирилл Андреевич сюда часто расселяет приехавших из провинции родственников. Ага. И попавшийся навстречу в коридоре подтянутый мужик – спортсмен какой-нибудь, из Северодвинска.

Водитель распахнул гостиничную дверь с прибитой циферкой «16», пропустил девушку вперед и, молча кивнув застывшему напротив порога Красильникову, поставил «челночницу» на большую подзеркальную тумбу. И вышел.

Вероника конфузливо поглядела в глаза мрачного, дождавшегося ее Кирилла Андреевича, высокого худого мужика интеллигентной наружности, в очках с почти незаметной оправой. Придала лицу еще более отчетливое виноватое выражение и сразу же покачалась:

– Простите, столько хлопот из-за меня! Мне нужно было сразу предупредить, что у меня вызов, я уехала из дома...

– Как съездили? – перебил Кирилл Андреевич. – Все в порядке?

– Как видите, жива. – Вероника развела руками, положила перчатки на тумбу и принялась расстегивать куртку. В зеркале увидела отражение майора и внезапно поняла, что его хмурость никак не связана с предстоящими репрессиями, промашку неопытной подопечной он уже простил. – У нас что-то случилось?

Красильников промолчал. Набрал воздуха в легкие, шумно его выпустил и произвел головой движение, суть которого Вероника не сумела разгадать: то ли «да» ответил, то ли «нет», а может, «сам пока не понимаю».

Майор движением руки предложил Нике двигаться в комнату. Та прошла по небольшому коридорчику с единственной дверцей, ведущей, вероятно, в совмещенные удобства, и попала в комнату-гостиную с достойной этого отеля обстановкой. Где увидела сидящего за ноутбуком Максима Ковалева. Компьютер стоял на низком журнальном столике, высокорослому капитану приходилось сгибаться и широко расставлять ноги. Справа от ноутбука лежали авторучка и тетрадка с наполовину исписанным листком.

– Привет, – растерянно сказала Ника.

– Угу, – не отвлекаясь от компьютера, кивнул Максим.

И перед ним придется извиняться? Не вышел встречать,

даже не взглянул. Блин, неудобно получилось, наделала она хлопот.

– Ника, – раздался за спиной девушки красильниковский голос, – как много ты рассказала своей соседке Ларисе Петровне о сентябрьских событиях?

– Лорхен? – автоматически переспросила Ника. Ее ближайшая подруга (доставшаяся, можно сказать, в наследство от переехавшей на дачное жительство мамы) не выносила своего имени и отзывались лишь на Лору или Лорхен. – Да ничего особенного. Вы же меня предупреждали.

Ника отвернулась от страшно занятого капитана МВД, приписанного к группе ФСБ лишь по причине близкого знакомства с охраняемой нынче персоной, Вероникой Полумятовой.

– А в чем дело? Что случилось?

– Присядь.

Ника послушно опустилась на диван неподалеку от заработавшегося Ковалева.

Тревожное начало. Красильников просил ее сообщать обо всех произошедших казусах, даже если зонтик вдруг запропаستится. И Вероника думала, что сейчас ее будут распекать, воспитывать из повара агента. А получается, что даже не спросили, как прошла ее выездная сессия в подозрительном доме, где давным-давно никто не обитает. Поместье, как сказал Красильников по телефону, выставлено на продажу, туда только риелторы наведываются – покупателей на экскурсии

водят.

– Максим сегодня столкнулся в твоём подъезде с Кларой.

Ника рефлекторно поджала ноги, приняв позу человека, готового вскочить и побежать. Клара продолжает крутиться рядом? Матерая мошенница, подручная одного из самых опасных людей столицы и окрестностей, Константина Федоровича Тополева, ради задержания которого из СИЗО выпустили вора и убийцу Котова, а саму Веронику упростили участвовать в каких-то, на ее взгляд, диких авантюрах.

Чувствуя, как цепенеют икры, Вероника слушала рассказ майора о том, как Ковалев отправился сегодня вечером к Нике. Капитан получил сообщение, что их общая с Красильниковым подопечная куда-то двинулась, и решил узнать, куда конкретно. Точнее, не она, а два ее сотовых телефона. Несколько дней назад Веронику честно предупредили, что некоторое время ради ее же безопасности все ее передвижения будут фиксироваться через сотовых операторов. Но она просила не звонить ей по любому поводу, не напоминать о слежке и дать возможность хоть до магазина спокойно прогуляться.

Поднимаясь к ее квартире, Максим встретился на лестнице с уходящей Лорхен, узнал, что Вероника – счастливая и довольная – умчалась на какой-то выезд. Доложил о сем Красильникову и, общаясь с ним по телефону, услышал над своей головой знакомый голос. По лестнице спускалась Клара. Беседовала с кем-то. Максим выскочил из подъезда, встал за

припаркованным микроавтобусом неподалеку...

На этом эпизоде рассказ Красильникова прервал непосредственный участник событий:

– Если б не голос, – Максим, отвлекаясь от монитора, потянулся, – я бы ее в жизни не узнал. Хотя прошла она буквально в паре метров от меня. – Капитан опять наклонился к компьютеру, нажал на пару кнопок и развернул ноут к Веронике: – На, полюбуйся, глянь.

Ника вытянула шею, пригляделась к женщине, чей силуэт перехватила камера родимого подъезда...

– Ё-моё, – прошептала. – Если бы ты не сказал, что это она...

– Ну да. Пальто на два размера больше, сапожки «прощай, молодость». Медицинская маска на пол-лица. – И хмыкнул: – Знакомьтесь – невидимка тетя Клара.

– И что она в моем подъезде делает?

– Ну, судя по тому, как часто она там показывается, то живет. А судя по тому, что ходит рука об руку с нашей дражайшей Ольгой Павловной, то живет у нее.

Ернический тон Максима помог Веронике справиться с околочением поджатых конечностей, девушка расслабленно повела плечами и приготовилась к обсуждению причин возникновения мошенницы. Клара лишь по облику безобидная воспитанная тетушка. С такой зевнешь – руку по локоть откусит. Если не голову.

Ну ладно, прорвемся. Контора бдит, мышей вроде бы ло-

ВИТ.

– Кирилл Андреевич, если вы переживаете о том, что Клара сможет подружиться с Лорхен или Норой и выведать у них что-то о сентябрьских событиях, то я вас успокою: ни-когда. Лорхен и Нора не болтушки. Полицейские их предупредили о неразглашении – это раз. Я о сотрудничестве с вами ни гугу – это два.

Уверенную речь Ники сидящий в кресле напротив майор выслушал внимательно и глядя исподлобья.

– Я не сказал главного, Ника. Лорхен встречается с Тополевым. – Заметил искреннее недоумение Вероники и повторил, отчетливо выговаривая слова: – Лариса Петровна встречается с Константином Федоровичем Тополевым, – и обратился к капитану: – Максим.

Ковалев сочувственно цыкнул зубом и снова повернул к Веронике монитор ноутбука. На застывшем кадре: шикарная машина с распахнутой задней дверцей, возле которой невысокий крепкий мужчина в расстегнутом черном полупальто помогает расфуфыренной Лорхен выбраться наружу.

– Это тот самый Тополев? – вглядываясь в изображение, сипло прохрипела Вероника.

– Да. Мы, конечно, еще устанавливаем факт их тесного знакомства, Максим случайно на эти кадры наткнулся, когда Клару пробивал и...

– Не надо ничего устанавливать, – перебила Вероника. – Они встречаются. Несколько дней назад Лорхен познакоми-

лась с мужчиной на художественной выставке. Если это Топлев, то он за ней ухаживает, букетами засыпал.

На некоторое время в гостиничном номере установилась тишина.

– Что происходит, а? Кирилл Андреевич, вы можете мне сказать, что происходит?!

Красильников устало pokrивился:

– Кабы знать.

– Вы же мне обещали! – Ника вскочила с дивана. – Ска-зали: все закончено!

– Мы не успели.

– Чего?!

– Вывести тебя из операции. Завтра-послезавтра ты долж-на была вылететь с Максимом в Черногорию, но видишь, как все...

– Так, подождите. – Вероника выставила ладони перед Красильниковым. Повернулась к Максиму: – Я и отпуск, по-лучается... Черногория... опять задание?!

Вероника Полумятова всегда считалась образцово воспи-танной особой. Она, пожалуй, и сама не ожидала, что спо-собна практически плюнуть в полицейского при исполнении обязанностей:

– Тьфу! Как вы мне все надоели!

Андрей Кириллович Красильников был опытным чеки-стом. Неплохо разбирался в нормальной человеческой реак-ции на стресс и, честно говоря, искренне сочувствовал по-

рядочной трудолюбивой девочке, попавшей в непростую ситуацию. Будь его воля, он с самого начала убедил бы начальство, что даже ради высших интересов нельзя манипулировать такой вот милой девчонкой. Использовать ее, давить на совесть, убеждать сотрудничать. Она ж гражданский человек, в конце концов! Но кто же знал, что операция затянется? Кто мог предположить заранее, что без девчонки будет никуда? Первоначально Нику действительно решили провести по краю, не задействуя в основных мероприятиях. Но дело закрутилось так, что высший интерес возобладал и перекрыл любые доводы и правила.

Еще бы пара-тройка дней – и улетела б Вероника Полумятова в далекие края! Ищи ее свищи.

Теперь опять придется, жизнь-жестянка, запрягать.

Максим, похоже, тоже влип. Вон как скукожился, глаза не поднимает. Вероятно, реакция Вероники больше связана с личными переживаниями. Так что пускай плюется, заслужили.

Но разъяренная униженная Ника не захотела больше оставаться в одной комнате с обманщиками. Злобно фыркнув, она бросилась в прихожую. Судя по шуршанию одежды, схватила с вешалки куртку, загремела сумкой...

– Подожди!

Максим ринулся за Вероникой. Красильников прикрыл глаза, а если б смог, закрыл еще и уши. Слушать, как разбираются влюбленные, все-таки бестактно. Но чего только на

службе не бывает.

Шмыгая носом, разозленная Вероника бешено упиралась в грудь бессовестного Ковалева, перекрывшего собой выход из номера.

– Уйди, уйди, – пыхла, – ненавижу! Всех вас... на, на, на! – Тычки получались слабыми, Ковалев сумел ее схватить, прижать к себе.

Забормотал:

– Прости, прости, я так хотел с тобой уехать, правда...

– Конечно! По приказу!

– С ума сошла? Да я ж тебя люблю!

Вероника дернулась, но уже не очень уверенно, и у Максима получилось прижать ее к себе всем телом. Все еще брыкающуюся, жаркую...

– Ты же сама это поняла... еще там, тогда... помнишь?

Красильников сипел сквозь зубы: операция, твою мать, мероприятия! Целуются, поди. «Не завидуй, Кирюша!» – хмыкнул кто-то внутри майора.

Минут через десять, глядя на раскрасневшихся взъерошенных соратников, рядом сидящих на диване, Кирилл Андреевич испытал какое-то прямо-таки отеческое, непрофессиональное чувство. Вероника отводила взгляд, капитан смотрел на Красильникова исподлобья: все-таки это майор упомянул отлет в Черногорию, из-за чего взбрыкнула девушка.

Кирилл Андреевич сложил руки в замок, хрустнул пальцами и приступил к продолжению неприятного разговора:

– Вероника, вы напрасно рассердились на Максима. За время вашего отсутствия мы надеялись завершить мероприятия, но получилось так, что Тополев остался слишком доволен вашей работой в Подмосковье. В разговоре с Котовым он категорически настаивал, что вы ему еще нужны. Конкретно вы, Вероника.

– Я? Не вор экстра-класса Котов, а я? Может быть, Игнат неверно его понял?

– Хотелось бы, – буркнул Красильников. – Но судя по последним событиям, судя по тому, что Тополев лично объявился в вашем ближайшем окружении...

– И Клара в нашем доме поселилась, – вставил Макс.

– Да. Происходит нечто из ряда вон. Я бы мог понять, если бы Тополев поставил целью выяснить, кого конкретно задержали в сентябре в вашем подъезде, но он начал ухаживать за Ларисой Петровной. Клара, вероятно, подбивает клинья к ее домработнице. – Расстроенный Красильников покрутил головой. – Нам что, всю вашу троицу теперь перевозить на виллу в Черногории? Так это все равно что поставить крест на операции. На перспективной, важной и пока еще успешной, хочу заметить. Только ваше исчезновение, Вероника, Котов сумеет как-то объяснить, но три исчезновения одновременно...

– Скажите, ну зачем я все-таки Тополеву-то сдалась? –

перебивая, простила Вероника.

– А он узнал от Клары, что вы неплохо гадаете, и собирается внедрить вас в круг людей, в которых очень заинтересован. Эти, понимаешь ли, богатые сумасброды устраивают нечто вроде частной «Битвы экстрасенсов»...

– Что, простите?.. Что вы сказали?

Поздний звонок Котова: «Нам нужно поговорить, срочно» – застал Константина Федоровича на выходе из боулинга. Топлев поправил полотенце на шее, обтер его уголком разгоряченное лицо и, прикинув, назначил Коту встречу в кабинете своего ресторана. Поужинать он собирался дома и неплотно, но кой-чего перехватить можно и там, кухня еще вроде бы не закрыта. Да и подождут, если надо! Не баре.

Константин Федорович дал задание Марату решить вопрос с перекусом, сбросил на его руки полотенце и уселся на заднее сиденье БМВ. Настроение было превосходным, каким-то даже новогодним. Федорович вспомнил лицо депутата Мосгордумы, которого сегодня обштопал, и самодовольно поерзал: могём еще!

Через полчаса, в ресторане, он вспоминал уже свою вторую бывшую жену, которую считал чемпионкой по скоростной деморализации победно настроенного мужика, – сегодня Игнат Котов обошел ее на три секунды. Но с ним, увы, не разведешься. Топлев тигром метался по приватному кабинету, оформленному в консервативном английском стиле, и

даже пнул диван. Разогретое в боулинге тело, литр выпитой воды давали себя знать, спинка и ворот футболки поло снова стали влажными. Ощущения – все летит коту под хвост, а ты ничего поделать не можешь! – Тополев не выносил.

– Ника должна была поехать на майскую «Битву»! – про-рычал Константин Федорович, нависая над Котовым, рассе-вшимся в удобном кресле. – Ты, мать твою, понимаешь: вес-ной, не в ноябре!

Игнат позволил себе саркастическую ухмылку, и распрямившийся Тополев длинно выругался матом. Протопал до стола, плеснул в пузатый бокал еще коньяку и, выпив, при-жал тыльную сторону ладони к полным красным губам.

– Так. Давай еще раз, со всеми подробностями, у каждого столба. Кто, где, когда, чего пообещали.

Котов покрутил в руке нетронутый бокал с коньяком, прищурил глаза на маслянистую полоску, растекающуюся по внутренней стороне повернутого бокала неторопливыми правильными каплями... Такой реакции на известие о при-глашении Вероники на «Битву» он не ожидал. Кот был прак-тически уверен, что стремительное приглашение участницы – дело рук Тополева. Какая-то бабушка-знахарка приболе-ла очень вовремя, другие претенденты отсеялись, и – бац! – «плюшевая» гадалка Вероника Полумятова получает при-глашение.

Но нет. Костя не прикидывается, он разозлен без дураков – пар из ноздрей валит.

Игнат, как и просил Тополев, подробно повторил рассказ, итогом вынес утверждение:

– Ника хочет отказаться. Мол, не ее все это. Незачем.

– Нельзя.

Слушая Котова, Константин успел скинуть ботинки и разлечься на кожаном диванчике, закинув ноги на пышный подлокотник. Его толстые белые носки хоть и не пахли, но были влажными. Тополев их, видимо, слегка подсушивал.

– А как ты ее заставишь? – Игнат развел руками. – Нику пригласили не на чай с баранками, а на серьезное мероприятие, и очень непростые люди. У нее есть причина занервничать.

Тополев снова выругался. Положил руку на спинку дивана, похлопал по упругой гладкой коже...

– Я на подготовку этого мероприятия, Кот, кучу бабла угрохал. Один претендент у меня уже провалился, его Инка, зараза, срезала...

– Инесса? – перебил Котов. – Та самая, с ватрушками?

– Ну. – Федорович смотрел перед собой, на картину, повешенную рядом с дверью. Совсем не аппетитный, на его взгляд, охотничий натюрморт в красно-коричневых кровавых тонах. – Эту стерву за большие бабки на сделки приглашают, любой подвох сечет. А Ника ее запросто прошла. – Тополев удивленно поднял брови. – Прикинь? Без подготовки, без наметок...

– Так, может, потому и прошла, что без подготовки и ин-

струкций? Какой у тебя претендент был до нее?

– А, – Константин небрежно отмахнулся, – один жадный дурачок. Но, – поднял вверх указательный палец, – талантливый. Тоже, понимаешь ли, экстрасенсорит, специализируется на прогнозах по бизнесу, три шкуры, дрянь такая, дерет.

– А почему дурачок-то?

– Так потому что долго не проживет. Дорого просишь, дорого и отвечаешь. Самым, мать его, ценным.

Котов понимающе хмыкнул и недоверчиво покачал головой:

– Неужели ты к какому-то гадалыцику по бизнесу обращался? Ты?

– Я? Не смейся, Кот. Я его прикармливал. Как откормил, подсунул Инке, но та его схарчила, не поморщившись. А паренек – талантливый, замечу. Он, кстати, мне появление твоей Ники напророчил. Сказал, появится девчонка – именно девчонка, – благодаря которой я избегу какой-то сильной лажы. И вот вспомни, Кот, кто Дашку Чудову расколол и узнал, что инфа ее папаши засвечена? Я, брат, на ночь стараюсь не представлять, что было бы, прислушайся я к Кларе и начни использовать засвеченную инфу... Ох! Сам бы, мать твою, в Лефортово попросился!¹

– Н-да, с этой стороны я на ситуацию как-то не смотрел, – признался Котов.

– Так потому ты и на своей голоштанной стороне, а я на

¹ См. повесть Оксаны Обуховой «Рецепты сладкой мести».

своей! – Тополев ласково похлопал по шикарному дивану. – Я, кстати, Нике премию собрался выплатить. Ты гонораром с ней нормально поделился?

– Не успел еще. Да и вообще мне кажется, для Ники будет лучше, если ты вместо премии оставишь ее в покое. Она нормальная девчонка, дай ей жить...

– Не лей мне в уши, Кот! Жить она хочет, нормально... Коготок увяз – всей птичке кабздец! – Тополев опять разгорячился, сбросил ноги с дивана и свесил руки между коленей. – Если ты думаешь, что я собирался жестко давить на твою девочку, то это мимо, Кот. Ошибка! Мне элементарно не хватило времени. По моим расчетам, через пару месяцев она бы у меня с руки ела.

– Ну да, конечно, – усмехнулся Кот, – ела бы она... – И резко выбросил: – Я видел тебя с Лорхен, Костя, – замолчал и некоторое время наблюдал, как меняется настроение Тополева. С властного и злого на задумчивое с оттенком подозрительности. – Случайно, возле дома Вероники, – пояснил.

– Случайно, – эхом бросил Тополев, сел и внезапно изобразил шаловливого школьника, застуканного в туалете с порнографическим журналом. – А что? Не имею права? Я типа не мужик?

– Да нет. – Игнат повел плечами. – Типа имеешь право.

Тополев опустил лицо, но позволил Котову заметить особый блеск его глаз.

– Ох и тонкая она штука, брат. Такая... ух! – причмокнул.

нул и хохотнул. – У меня на нее стояк, как в молодые годы! Правда! Стиль, лоск, манеры-шмеры... все как я люблю! Но главное, через пару месяцев я бы через нее подкатил к нашей детке, как добрый щедрый Дед Мороз. Деньжата на бизнес, кредит в моем банке... Она бы у меня к весенней «Битве» шелковой была!

– И Лора тоже, – задумчиво пробормотал Игнат. – Хотя навряд ли. Откуда, кстати, ты узнал про Лору?

– А Клара рассказала. Фотку принесла. Она этой подружкой Ники сильно заинтересовалась, какую-то непонятку вокруг нее разгребает.

Кот напрягся:

– Какую?

– Вот сам и спроси у Клары, – отрезал Тополев. – Не хочешь? Нет? Правильно. Клару сейчас лучше не трогать, она как та собака – след взяла, не остановится. Если твоя девочка заартачится, что, мол, не хочет ехать к мухоморам на «Битву», мне Клару даже просить не придется – она на Веронике с удовольствием отоспится. Веришь в это, Кот?

Игнат вздохнул. В изобретательности матерой аферистки он не сомневался. В том, что она заточила на Веронику вострый зуб, – тем более.

– В это я верю, Костя, – усмехнулся Котов. – Мне другое непонятно. Ну ладно эти старые, как ты говоришь, мухоморы, но ты-то чего вдруг всякой хренью заинтересовался? Гадалки, ворожба...

– Да мне-то это до звезды. – Тополев подхватил с пола бокал с коньяком и опять разлегся на диване. – Хотя и мухоморов понимаю, – задумчиво добавил: – Интересно люди живут...

– В смысле? – искренне удивился вор.

Тополев прищурился и хмыкнул:

– Я думал, ты умнее, Кот. Но ты реально не сечешь поляну. Ну вот представь, – Тополев перекрутился на диване, принял позу рембрандтовской Данаи, ожидающей золотого дождика, и протянул вперед руку с зажатым бокалом. – Представь, что у людей все есть. Ну просто все, их птичьим молоком не удивишь! Но вот туда, – Тополев показал бокалом на обшитый деревом потолок, – ТУДА ничего с собой не возьмешь. Ни птичьего молока, ни любимого бобика с молодой телкой... Главный вопрос, к которому приходит всякий: а есть ли ТАМ хоть что-то? На все другие вопросы мухоморы уже ответили, и почему б не отвалить бабок и не узнать о главном: что всех нас ждет ТАМ? – Тополев подмигнул. – Интересная задача, правда? На мой взгляд, достойная того, чтобы потратить на нее оставшиеся дни.

– Она неразрешима. И есть еще дети, внуки...

– Ты это серьезно? Оставить кому-то просирать свои труды... Сами пусть зарабатывают!

Тополев фыркнул, помолчал. Потом поднялся с дивана и махровыми носочками по персидскому ковру протопал до стола с закусками и коньяком. Наполняя бокал, не обраща-

ваясь к гостю, произнес:

– И кстати, о детишках. Глупых. Знаешь, что мне сказал тот жадный дурачок? Он мне типа предрек: если я не возьму в руки украденную вещь, которую давно хотел, то все у меня будет тип-топ.

– Ты это о «сильфиде»?

– Ну. – Константин развернулся. – Но ты не переживай. Попридержи пока камушек. Лаве у тебя есть, не голодаешь.

– А смысл?

– Да есть кое-какой. Не на одних же мухоморах мои интересы сошлись. Есть еще один приятный человечек, так к нему через этот камушек можно лихо подкатить. Еще спасибо скажешь.

– И кто такой?

– О, – Костя снова дирижировал бокалом, – конкурент товарищей – организаторов «Битвы». Та еще сволочь. Кстати – мертвая. Как многие думают, в том числе и Интерпол. Но сейчас об этом рано, сейчас нам нужно науськать нашу девочку на «Битву». Положительный ответ она должна дать завтра-послезавтра. Потом должна подложить в кабинет главного мухомора Кошина небольшую коробочку, желательно поближе к компьютеру, и на этом – все. Дальнейшее, «Битва» и прочая хрень, по ее усмотрению.

– А в той коробочке?.. – выразительно поинтересовался Котов.

– Не взрывчатка, не переживай. Начинка электронная. В

тот день у Кощина лишний народ крутиться будет, так что...

– Подожди, подожди. А откуда лишний народ? И почему ты уверен, что Ника вообще попадет в дом этого Кощина?

– Эдуарду Кузьмичу, Котик, уже за девяносто, плюс подагра, банкет перед «Битвой» он всегда проводит у себя дома. Знакомится с участниками, которых, кстати, расселяют в мини-отеле в доме по соседству. Так меньше риска, что какой-нибудь придурок сфоткает их компанию и выложит в Интернет. Что уже было. Кузьмич после той истории несколько «Битв» подряд у себя в имении проводил.

– А как Ника попадет в кабинет? Его не запирают?

– Вместе с коробочкой Веронике передадут ключ от кабинета.

– О как, – поразился Котов, – у тебя есть ключ?

– Этому ключу сто лет в обед! Клара дубликат еще в прошлом году сделала, у экономки связку «одолжила». Но вот попасть в самую квартиру... – Тополев вздохнул. – Короче, мне нужно, чтобы в момент, когда старый мухомор свой комп включит, рядом наша волшебная коробочка лежала. Усек?

Котов кивнул.

Вся операция должна быть выверена поминутно: Ника подкладывает коробочку, идет в ванную и подает сигнал, мигнув светом, санузел там с окном. Кузьмичу тут же поступает сообщение на почту, на которое необходимо ответить. Набирать ответ на телефоне он не будет, пальцы скрючены

подагрой, как миленький отправится в кабинет к компу...
Дальше объяснять?

– Нет. Но если у меня все-таки не получится уговорить Нику...

– А тебе и не надо ее уговаривать! Пусть ее мент-любовник уговаривает! Ему-то ты, надеюсь, сможешь объяснить, что посадить мента – раз плюнуть! Клара им обоим небо алмазами усыпает! – Рычащий Тополев поперхнулся, махнул рукой. И неожиданно признался: – Хотя жаль, конечно, если Клара девочку размажет. У меня на ее счет большие планы.

– Какие? Какие планы могут быть на кондитера?

– Большие, Кот. Большие. Так что ты уж, будь добр, расстарайся.

О том, какие планы могут быть относительно кондитера у богатея Константина Федоровича, первой, что удивительно, догадалась непосредственно кондитер.

– Лорхен, – тихо выдохнула Ника, едва прослушав слегка отредактированный рассказ Котова. – Ее сын женат на дочери швейцарского банкира.

Детально расшифровывать догадку Нике не требовалось, в ее гостиной собрались неглупые мужчины. Майор ФСБ Красильников, сверкнув очками и широкими залысынами, задумчиво опустил голову. Два других силовика, полицейские капитаны Окунев и Ковалев, переглянулись. Окунев, поморщившись, принялся массировать переносицу. Все

успели, время перевалило за полночь, на журнальном столике стояла дюжина пустых чашечек из-под кофе, лежала разломанная плитка почти нетронутого шоколада. Ради экономии времени Красильников попросил Веронику принять их у себя, поскольку эпицентр событий, как ни неприятно это признавать, находится здесь.

– Я не знал, что у Ларисы сын живет в Швейцарии, – сказал вор Котов.

– Речь не заходила. – Понурая Ника автоматически расправила салфетку под своей чашкой.

– Жаль. Если бы знал, не удивлялся, почему Костя сам решил твоей соседкой заняться. Раньше он так не высовывался, ему проще было какого-нибудь смазливового искусствоведа к ней подослать.

Котов мысленно хмыкнул: объяснение загадочного «все как я люблю» – нашлось. Больше всего Топляк любит деньги. Легко вообразить, как Костя просит свою милую знакомую помочь, к примеру, с переводом пустяковой суммы. Которая потом окажется настолько «грязной», что сыну Лорхен будет легче и дальше отмывать бабки, чем признаться в глупости законопослушному швейцарскому тестю. Получится очередная история про птичий коготок. Уж Тополев умеет сочинять подобные.

Вероника откинула голову глубоко назад, едва не ударилась макушкой о стену за спинкой дивана.

– Господи, ну почему все – так?! – спросила, глядя в по-

толок. – Нам надо срочно предупредить Лору! – воскликнула и подскочила с дивана.

– Сядьте, Вероника, – строго приказал Красильников. – Сядьте. Делиться нашими предположениями с Ларисой Петровной считаю преждевременным.

– Вы с ума сошли?!

– Преждевременным, повторю. Лариса Петровна...

– Называйте ее Лорхен или Лорой, пожалуйста, – поморщилась так и не севшая девушка, – не то у меня впечатление, будто мы о ком-то другом разговариваем.

– Договорились, – покладисто сказал Кирилл Андреевич. – Так вот, Лору нам будет проще вывести из...

– Да перестаньте! – раздраженно выкрикнула Вероника и топнула ногой. – Хватит! Нет никаких «будет проще», со мной вы это уже проходили! – Ника закружила по гостиной. – Неужели вы не понимаете, что разрушаете наши жизни, а?! Лора – моя лучшая подруга! Как я потом в глаза ей посмотрю?! Я знала, что к ней таскается какой-то гад с цветами... на самом деле нацелившийся на ее сына... Вы хоть понимаете... – Ника села, переломилась в талии и вытянула шею к фээсбэшнику, налегая животом на колени. Заговорила тихо-тихо: – Вы хоть понимаете, какое это унижение для женщины? Узнать, что тебя обхаживали ради... ради какой-то грязи... а твоя подруга об этом знала и ни гугу. Да вы нас всех растопчете! Уничтожите!

Красильников устал. Очень хотелось снять очки, закрыть

глаза и боком завалиться на диван. Желательно накрыв голову подушкой. Он много раз выслушивал бабские истерики, не единожды проводил операции по внедрению агентов в «токсичную» среду и считался неплохим специалистом. Проводил мероприятия и в подобном цейтноте, умел не распылять силы и мощно сгруппироваться для мозгового штурма. Но нынешняя ситуация обростала абсурдом вне всякого порядка и совсем самостоятельно. Через пару дней Вероника Полумятова должна была вылететь в Черногорию и навсегда забыть о существовании некоего Тополева. Майор первым бы перекрестился, когда отправил гражданскую девчонку в заграничный отпуск!

Бредятина какая-то. Дичь! Но в эту дичь приходится поверить: из доклада Котова, прошедшего вне девичьих ушей, уже выплывали как минимум две интересные темы. Во-первых, электронная коробочка, через которую, дай бог, получится серьезно зацепить специалиста Тополева по электронной разведке. А это уже такой инсайдер – мама не горюй! Красильников даже ощутил зуд в районе копчика, в том месте, где, по словам ученых, у человека существует некий рудиментарный хвост. Борзой с напряженным хвостом, охотничьей собакой майор себя почувствовал! Коробочку Веронике передадут загодя, если коллеги-электронщики успеют с ней разобраться, специалиста Тополева получится прижать довольно жестко.

ТЬФУ-ТЬФУ! Не сглазить бы.

Потом, во-вторых, выплывает некий «мертвец», не брезгующий ворованными раритетами. «Мертвец», не исключено, масштаба Тополева. Константин Федорович, как уже предрек непосредственный начальник майора, пока гораздо полезнее на свободе. Поверить в это тоже невозможно, но вот приходится.

И тему с мухоморами необходимо дальше пробивать. За чудовский архив от службы экономической безопасности такое гран-мерси прилетело, что впору загордиться. Совместно с кулинаром Полумятовой. В том деле ее «львиное» участие уже отметили и приказали курировать талантливую девочку.

Сказали бы еще, как с ней поладить, взгрустнул майор. Здесь Ника в своем праве, она присягу не давала, она печет пирожные и внеочередного звания не ждет.

– Вероника, – нагнав в интонацию побольше непритворного сочувствия, заговорил майор, – сейчас правда может быть опасной прежде всего для самой Лоры. Понимаете?

– Если она начнет вести себя дерзко, Тополев способен отомстить, – вступил в разговор полицейский капитан Окунев, который как раз и начинал дело о пропаже розового бриллианта «Поцелуй сильфиды»², наладивший отличный контакт с Вероникой и Лорхен. – Давай подождем немного. Сказать неприятную правду всегда успеем. А я клянусь, что присмотрю за твоей подружкой. Договорились? Ты мне ве-

² См. повесть Оксаны Обуховой «Плюшевый оракул».

ришь?

Девушка не ответила. Зябко повела плечами...

– Мне страшно. Понимаете? Мне страшно!

Нике казалось, что она попала в бесконечный сериал, в фильм ужасов с главной героиней, которую каждый раз обещают отпустить на волю, спасти и защитить, но только заканчивается одна история, как тут же завязывается другая... Конца и края нет – круглая Земля! В трехмерную модель которой воткнут неизменный фактор – Константин Федорович Тополев. Он ось этого глобуса, вокруг него все крутится.

– Слушайте, – Вероника обвела взглядом вроде бы сочувствующих мужчин, чуть дольше задержалась на непривычно безучастном Котове, – а когда вы этого Тополева арестуете? Ведь обещали же... вот-вот, потерпи немного... Терплю. Но сколько можно?

Агенту с погонями Красильников отрезал бы: «А сколько нужно». С кулинаром придется деликатничать и подбирать слова, что, к счастью, сделал за него полицейский Окунев, которого майор и пригласил на встречу ради моральной поддержки. Не себя, разумеется, а нежной Вероники Полумятовой. На нее щеголь из МУРа действовал ну очень положительно.

– Ник, потерпи еще, а? Не получается пока. Кирилл Андреевич его вон сколько лет разрабатывает, а толку никакого. Если не прижать Тополева наверняка, железно, он выкрутится. На него знаешь какие адвокаты работают...

– Знаю. С Чудовым знакома лично.

– Ну вот. Потерпи еще немного. Нам очень нужно получить коробочку, которую тебе передадут...

«Браво, капитан! – мысленно поаплодировал фээсбэш-ный майор. – Верно словил фишку. Продолжай в том же духе».

В полдень следующего дня Вероника позвонила basket-больной Инессе Станиславовне и дала согласие на «Битву». Постаралась, чтобы голос не звучал панихидно, как у попа на отпевании, но кандидат наук (с психиатрическим уклоном), естественно, улавливала малейшие нюансы. Попробовала воодушевить собеседницу, добавить ей решимости, мягко помассировала чувствительные точки амбициозности и жадности...

У Вероники, судя по результату, эти точки находились отнюдь не на ушах.

Или же уши настолько адаптировались к появлению на них лапши, что приобрели твердокаменную плотность. Не хуже пяток соседки по даче тети Нины. У той, помнится, под голой пяткой гвоздь согнулся. Хотя, наступи на тот гвоздь другой человек, без поездки в травматологию не обошлось бы.

...Выслушивая респекты от доктора, Ника сумрачно смотрела на тощую синюю папку от ФСБ, доставленную ей курьером. Милейший Кирилл Андреевич тоже переживал о

психологической устойчивости агента-кулинара и отправил ей в помощь краткую справку на организаторов «Битвы». Попросил ознакомиться, предупредил, что бумаги нельзя выносить из дома, показывать их третьим лицам, заносить информацию на электронные носители – данные не секретные, приложив усилие, все это можно найти в Интернете, но бдительность на первом месте. Документы прочитать, обратно запечатать и сразу вызывать курьера.

Ах да. Не стараться все запомнить, а вынести лишь некоторое суждение о людях. Ну и не нервничать, держать хвост пистолетом. Но Веронике после упоминания хвоста и пистолета захотелось застрелиться совсем не фигурально. Полчаса назад к ней заходила Лорхен, поболтать. Сказала, что недавно, возвращаясь с прогулки, она столкнулась с капитаном Окуневым, тот пригласил ее в кафе на чашечку кофе...

Вероника, слушая подругу, чувствовала себя Искаротом, не знала, куда деть глаза. В памяти из монолога Лорхен осталось немного, но аттестация случайно встреченного капитана закрепились: «Какой он милый, право слово... – и легкое недоумение. – Но странный. Не находишь? Опять напомнил, чтобы я не распространялась о сентябрьских происшествиях. Никогда и никому, даже полупонамеком. Ник, я становлюсь похожей на маразматичку? Мне нужно все напоминать?..»

Бедная Лора! Какой афронт ее ожидает! Очень хочется надеяться, что с Константином Федоровичем она расстанется прежде, чем получит под дых от лучшей подруги и сило-

вых структур.

Вероника заварила себе крепкого кофе, с отвращением поглядела на папку и распахнула ее, подцепив мизинцем синюю пластиковую обложку.

...Примерно через два часа в дверь снова позвонили. Вероника глянула в глазок, увидела на площадке скучающего паренька в форменной кепке курьерской доставки и собралась уже идти за папкой, но услышала, как паренек за дверью громко говорит, что посылка для замешкавшейся Вероники Дмитриевны Полумятовой пришла из типографии.

Непонятно почему, кондитер решила, что из типографии ей привезли фальшивый паспорт – силовики решили ее так прятать в недалеких заграницах! Предположение, естественно, бредовое донельзя, но если вспомнить абракадабру последних дней и даже месяцев, то...

Нет. Скучный паренек протянул Веронике запаянный в пакет картонный прямоугольник, получил взамен ее подпись и откланялся, оставив на площадке запах убойного одеколона, похожего на репеллент от комаров. В пакете оказалось свежееотпечатанное приглашение на «Битву». Из тех, что после применения можно смело вставить в рамку под стекло и прикрепить на стене, дабы потомки имели право гордиться своей бабушкой. Никакую стену данное произведение типографского искусства не испортит, фамилия и имя участницы не вписаны от руки, а были отпечатанными, выпуклыми, в золотистых вензелях и бабочках.

Как основательно у них заведено, подумала Вероника и покосилась на настенные часы: после ее звонка Инессе прошло меньше трех часов, а типография уже отпечатала именное приглашение, доставила... Солидно. Впечатляет. Ника перевела взгляд на тривиальную синюю папку ФСБ и удивляться перестала: в Высшей негосударственной лиге мелочей не признают, у них свои законы и порядки. Зачем им экономить на обложках.

Но позже оказалось – все под Богом ходим. Над головой самого отъявленного богатея, если тот живет в многоквартирном доме, может лопнуть прозаичная канализационная труба. Лопнуть и обогатить миазмами стерильную среду обитания, лепнину потолка и шелковые обои.

Утром следующего дня, в четверг, события принялись вращаться с такой скоростью, что на глобусе, где осью воткнут Тополев, наверняка размылись очертания материков и океанов. В половине десятого Веронике позвонила Инесса и, едва поздоровавшись, бросилась извиняться:

– Вероника, простите великодушно, у нас форс-мажор! В доме Эдуарда Кузьмича произошел канализационный катаклизм, «Битву» срочно переносят в его загородный дом! Мне очень жаль, пришлось менять все планы...

Торопливая речь кандидата наук сбивала с толку, Ника пыталась сосредоточиться и понять, как реагировать, что отвечать? Ведь если б дело касалось только участницы «Битвы» Вероники Полумятовой, то никаких проблем – перенес-

ли и ладно. Какая разница, где в пять часов вечера начнется банкет по случаю открытия «Битвы» – в гостиной господина Кощина или в его загородном доме. Но вот как быть с хитрой коробочкой, приказом сволочного Тополева и прочим? Если коробочка не встретится с включенным компом господина Кощина, кого Тополев обвинит в провале?

«Да никого! – повеселела Вероника. – Управляющую контору пойдет кошмарить! Чтоб трубы вовремя меняли!»

– ...Я отправлю за вами машину, как быстро вы можете собраться, Вероника?

– Что? – Девушка вышла из радостной задумчивости и переспросила: – Как быстро?.. Ой! Да я ж на маникюр записана на половину первого! Потом на стрижку!

– Маникюр, маникюр... – забормотала Инесса. – Так. Хорошо. Перезвоню!

В телефоне Вероники тихим пульсом запиликали гудки отбоя. Девушка тупо поглядела на телефон. Потом на свое отражение в стеклянной дверце серванта и подумала, что, кажется, запись на маникюр и стрижку прозвучала для светской львицы Инессы Станиславовны достаточно важным оправданием. Маникюр для гадалки, работающей с картами, вообще на первом месте. После непосредственно колоды и очков, если зрение ослабло.

С трудом попадая пальцем на нужные места смартфона, Ника набрала вызов майора ФСБ.

– Кирилл Андреевич, добрый день, точнее, утро, – про-

ворковала, тщательно скрывая радость. – У «Битвы» форс-мажор. Участников собираются увезти куда-то за город... Куда конкретно? – переспросила и честно задумалась. Инесса вроде бы называла какой-то поселок. Или нет? – Я уточню и...

Материки и океаны продолжали размываться. Вероника не успела закончить разговор с Красильниковым, как на второй линии появился вызов от Инессы.

– Перезвоню! – пообещала Полумятова майору и сообщила доктору, что слушает ее внимательно.

– Ника, я договорилась со своим стилистом, Света примет вас вне очереди... Вы можете довериться моему стилисту? – Вероника припомнила превосходно отлакированную шевелюру мадам кандидата и сказала решительное «да». – Отлично! Я, честно говоря, хотела, чтобы девочки приехали к вам домой, но у них сегодня такое плотное расписание... Короче, в салоне вас примут – маникюр, мейкап, прическа. Оплата, разумеется, за наш счет! – В голосе Инессы тоже зазвучали оптимистические нотки. – Если через полчаса, срок минут за вами приедет машина, это будет удобно?

«Мне – да, – подумала ворожея, направляя тапки в сторону ванной комнаты. – Насчет ФСБ и Тополева нет никакой уверенности».

Обговорив с Инессой детали, Вероника поглядела на себя, растрепанную, уже в зеркале над умывальником и почувствовала такую легкость, что чуть не показала отражению

язык. Есть чему радоваться: оплаченное приглашение в наверняка офигительный салон, возле подъезда будет ждать автомобиль, который, хочется надеяться, заставит всех соседак и конкретно Ленку Зимину позеленеть от зависти. Та пару недель назад получила повышение и загордилась так, словно завладела основным пакетом акций Альфа-банка, а не сидит там в тесном кабинете на одну персону. «Все тортики печешь, Ничка? Ну-ну, удачи...»

В Веронике быстро прорастала бесшабашная веселость. Скорее всего, корни настроение пустило на почве утихомирившейся совести: а вот не надо мне теперь юлить и изворачиваться, подсовывать коробочки к компьютерам! Ну не получится, и я не виновата. Я честно исполняю обещание, отправляюсь, куда приказано – на «Битву», а где она пройдет, простите, не мое дело. Развеселившаяся Ника плюнула в раковину пеной зубной пасты и отправилась забрасывать в чемодан любимую пижамку в мелких розочках.

Но «глобус» Константин Федорович таки успел подбросить горстку яда в настроение. Вместо него Веронике, разумеется, позвонил Котов, но движущей силой все же оставался Тополев.

– Ник, сообщи адрес салона, куда тебя отвезут, – хмуро попросил Игнат, по всей видимости информированный Красильниковым обо всем происходящем. – Я привезу тебе коробочку туда.

– А-а-а... зачем? Разве это еще нужно?

– Ничего не изменилось. Коштин возит с собой ноутбук.

Относительно «ничего не изменилось» Котов, мягко выражаясь, обманул. После того как он сообщил по телефону Тополеву о срочном переносе «Битвы» за город, изменения произошли в голове Константина Федоровича. Удар его, к сожалению, не хватил, но когнитивные способности слегка нарушились: Костя онемел секунд на тридцать, чего с ним не случалось много-много лет. Потом, конечно, опомнился, обругал мухоморов, а заодно и Котова с гадалкой. Грозно сказал, что все проверит, мол, не твоя ли девочка нам вкручивает...

Определенные изменения произошли и в планах силовиков. Но тут опять-таки виновен грешный «глобус», стремительные вращения коего не позволили специалистам ФСБ заполучить коробочку в свои бестрепетные многоопытные руки и изучить прибор хотя бы наспех. Запаянный непрозрачный пакет с чем-то округлым и твердым внутри Марат передал Игнату на крыльце шикарного салона, где Нике навели красоту на голове и важных для гадалки пальцах. Причем, передав пакет, немолодой борец вошел в салон и, очень заинтриговав своими переломанными ушами прелестную и юную девушку-администратора за стойкой, принялся изучать прейскурант. То ли захотел проверить, не прилипнут ли к коробочке чужие пальцы, то ли решил взглянуть на особу, заинтересовавшую его патрона до полного переполюха в гангстерских рядах...

Но если причина была в последнем, то тут Марата ждал сюрприз. Вероника, вызванная в вестибюль звонком Игната, появилась с лицом, замазанным черной маской, с полотенцем на голове, замотанная в великоватый для худышки махровый халат. Чучелом, короче, огородным. Но это только для тех, кто ничего не понимает в шикарной светской жизни. Закутанная и измазанная Вероника выпорхнула к Котову так горделиво, словно вышла не в вестибюль московской парикмахерской, а в зал приемов английской королевы. Ну или, на худой конец, на красную дорожку Каннского кинофестиваля.

Разумеется, Ника не могла знать, кем является приземистый широкоплечий тип в кожанке, маячивший за спиной Котова. Она обратила на него внимание лишь потому, что небритый гражданин смотрелся настолько вызывающе в изысканном дамском салоне, что на ум пришли два сравнения сразу: со слоном среди фарфоровой посуды и кем-то там в калашном ряду. Котов, надо отметить, вполне монтировался с элегантным интерьером, но способность к мимикрии – основа основ удачливого вора, так что тут и удивиться было нечему. Ника лишь заметила, что при ее появлении звероподобный дяденька отвлекся от разглядывания прејскуранта и шагнул поближе к Игнату.

Ника приподняла бровь, как бы спрашивая: «Этот с тобой?»

Взгляд Игната метнулся влево, и Вероника, понятливо не

меня траектории, прошествовала мимо него к удобствам. Зашла в отделанное мрамором помещение, включила воду и принялась в огромном зеркале разглядывать себя, в потенциале красивую до обморока.

Котов проник следом и закрыл за собой дверь. Наклонившись, проверил, не торчат ли чьи-то ноги под дверцами клозетов, и лишь тогда заговорил.

– Ты как? – спросил, пытливо заглядывая в глаза Ники, пытаясь по взгляду девушки догадаться о ее настроении.

Девушка, еле двигая сцементированными маской челюстями, просипела:

– Норм. Ты?

– Да тоже ничего. Живой, – поднял руку и подбросил на расправленной ладони небольшой тяжеленький пакетик.

Вероника движением подбородка поинтересовалась: «Это то, что я думаю?»

Игнат кивнул:

– Да, внутри. Ты, это, будь поосторожней, пожалуйста...

Но Вероника его тут же разочаровала. Цапнула с протянутой ладони пакетик, надорвала довольно плотную обертку и заглянула внутрь. Перевела взор на досадливо нахмурившегося Котова...

– Ой. А вскрывать нельзя было? – прогудела расстроено. – Но мне ж его все равно потом пришлось бы...

– Пришлось бы, пришлось, – согласился вор. – Но ты хоть спрашивай вначале и дослушивай! – Недовольный Котов до-

стал из кармана смартфон, выдернул из настенного держателя лист бумажного полотенца и шагнул за угол к туалетным кабинкам. – Отпечатки пальцев на предмете оставлять нельзя. Помоги, пожалуйста, меня попросили хотя бы его сфотографировать.

Вероника подстелила на свою левую ладонь бумажное полотенце, тряхнула над ним разорванным пакетиком... Под свет ярких туалетных спотов на полотенце выкатился обычный речной окатыш. Галька. Такую вроде бы зовут жемчужной. Однажды Веронику провела по своему дачному участку клиентка – завзятая огородница – и, хвастаясь только что созданной альпийской горкой, посвятила невнимательного к горке кондитера в нюансы ее создания, упомянула разделение камней по фракциям... Одним словом, лекцию прочла. Заставляя утомившегося кулинара полчаса стоять на солнце у пока еще лысого альпийского детища. (Чуть позже Вероника той клиентке отомстила, прочитав – в теньке! – ответную лекцию о способах проверки суфле на плотность и теста на вязкость.) После той истории Ника напрочь лишилась детской восторженности по адресу всяких симпатичных камушков, в Крыму даже гальку с дырочкой, называемую «куриным богом», обратно в море выбросила.

– А ты уверен, что это то, что надо? – спросила она Котова.

– Абсолютно. – Игнат вернул мобильный телефон в карман плаща. – Грамотный контейнер. У Кощина два правнука. Как думаешь, что подумает дед или прислуга, обнаружив

этот «камушек» неподалеку от кабинета?

Ника кивнула. Все, разумеется, подумают, что «гальку» принесли в дом пацаны. Контейнер либо выбросят, либо припрячут, чтобы потом вернуть детям. Что, не исключено, забудут сделать.

– А почему «неподалеку»? В кабинет мне проникать уже не надо?

– Не обязательно, – поправил вор. – В доме, куда тебя везут, есть длинный балкон. Положишь «камень» на подоконник кабинета напротив рабочего стола, а если получится попасть внутрь, что, разумеется, желательно, не прячь контейнер на шкафу, куда не дотянется детская рука. Понятно?

Вероника вздохнула. Господи, твоя воля! Как же все непросто-то в грешных шпионских играх: переговоры в туалете, подсовывание электроники по чужому росту...

Котов согнул в трубочку лист полотенца и осторожно ссыпал камушек в придерживаемый Вероникой пакетик.

– Все, Ника. Я пошел. Держись.

Когда Вероника вышла из туалетной комнаты, ни Котова, ни давешнего гражданина в кожанке в холле уже не было.

В лимузинах Вероника, разумеется, каталась и раньше: на девичниках, свадьбах и прочих зажигательных мероприятиях. Но те лимузины с продольными, как в вагонах метрополитена, сиденьями-диванами и кислотно-люминесцентной подсветкой не вызывали уважительного трепета. Если

учитывать, что обычно туда усаживалась с посвистом и гиканьем толпа подвыпившей молодежи, то о каком музейном трепете может вообще идти речь?

Но в чрево длиннущего авто, поданного к крыльцу салона красоты, Вероника пробиралась, как потрясенный курсант на выставку. Хорошо, что воспитанный водитель забрал у нее чемодан. Иначе Ника вначале об него споткнулась бы, а после всю дорогу держала бы на коленях, не решаясь поставить колесики на безупречно чистый пол.

От дома до салона Веронике довез обычный дорогуший «мерседес» (вызвавший бы у Ленки Зиминной максимум минутную икоту), сюда же подали настолько представительную машину, что пассажирка первые несколько минут чувствовала себя оробевшей сиротой, пробравшейся в господскую карету. Потом обвыкла, почувствовала под икрами мягкую подставку и начала шарить под подлокотниками кресла, стараясь угадать, на какую кнопочку следует нажать, чтобы подставка выдвинулась и превратила кресло в лежанку. Уж если ехать, то со всем комфортом! Развалившись барыней, глядеть в окно на проносящуюся за окнами сырую Москву. Когда еще подобное представится.

Ника так и не поняла, на что, собственно, она нажала, когда подставка начала приподниматься – рука от неожиданности дернулась! Повторно нажала на первую попавшуюся клавишу... и, слава богу, угадала. Подставка остановилась на удобной высоте, не задрав ее ботинки к потолку.

Вероника устроилась со всем удобством, положила руки на мягкие кожаные подлокотники прямо-таки космического кресла. Поцокала наманикюренными ноготками по деревянной столешнице слева... Эх, благодать! Попить бы еще. Но менять позу, крутиться в кресле в поисках наверняка имевшегося в достижимости хранилища для минералки и прочих жидкостей, не захотелось. Умиротворяющая тишина автомобильного салона, кресло, взыскательно поддерживающее спину; за окнами проносится хандрящая осенняя столица, залитая дождем, растопившим наивный легкомысленный ноябрьский снег...

Если бы не причина поездки, заставляющая нервничать, то Вероника получила б неземное удовольствие. Космическое кресло было уютным, словно теплая тряпина, ненавязчивые дорогие запахи мебельной лакировки и кожаной обивки кружили голову и заставляли думать о прекрасном...

А кстати. Вероника нашарила в лежавшей на животе сумочке мобильный телефон, сделала несколько фотографий упоительной себя на фоне люксового интерьера – после трудов стилиста Инессы портрет и фон отвечали друг другу взаимностью. Прикинув, щелкнула люкс-интерьер в отдельности и отправила все фото маме, с припиской: «Еду за город отдыхать! Люблю, целую, ваша ветреная дочь)))». Мама, постоянно намекающая, что на работе свет сошелся клином только у неудачников и старых дев, не способных завести себе даже котов и попугаев, наверняка порадуетя.

Убирая телефон обратно и улыбаясь, Вероника обратила внимание, что еще недавно мчавшийся на всех дозволенных ГИБДД парах лимузин перестраивается в правый ряд, и мельком удивилась. Поглядела на толпу, собравшуюся у светофора возле конечной станции подземки. Взгляд устремился дальше и зацепился за яркое пятно у самого бордюра – чудовищно огромный розовый чемодан, возле которого переминалось существо и вовсе невообразимое: тощая высокая девчонка в лиловом меховом полушубке, алой кожаной кепке и гольфах – левый оранжевый, правый фиолетовый, – в черных шнурованных ботинках на толстой подошве и длинных зеленых перчатках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.